

Люди и судьбы

Наталия Лескова

«Спешите
делать добро!»

Святые врачеватели

Ф.П. Гааз и В.Ф. Войно-Ясенецкий

Официальная медицина далеко не всегда благосклонна к Церкви, и служители храмов Божьих не спешат жаловать людей в белых халатах. Веками между церковью и медициной существуют непримиримые противоречия. Если церковь учит, что любая болезнь есть «посещение Божье», то врачи пытаются эту болезнь искоренить, но при этом далеко не всегда пекутся о том, какие нравственные уроки больной извлек из своего недужного состояния. То, что душа и тело соединены между собой незримыми нитями, а значит, лечить одно, пренебрегая другим, бесполезно, – для большинства служителей медицины сомнительная истина.

Церковь всегда восставала против хирургических вмешательств, называя их вероломным нарушением замысла Господня. Первые представители профессии, которую сегодня называют самой гуманной, подвергались жестокому гонениям и наказаниям. Их нередко приравнивали к колдунам и ведьмам.

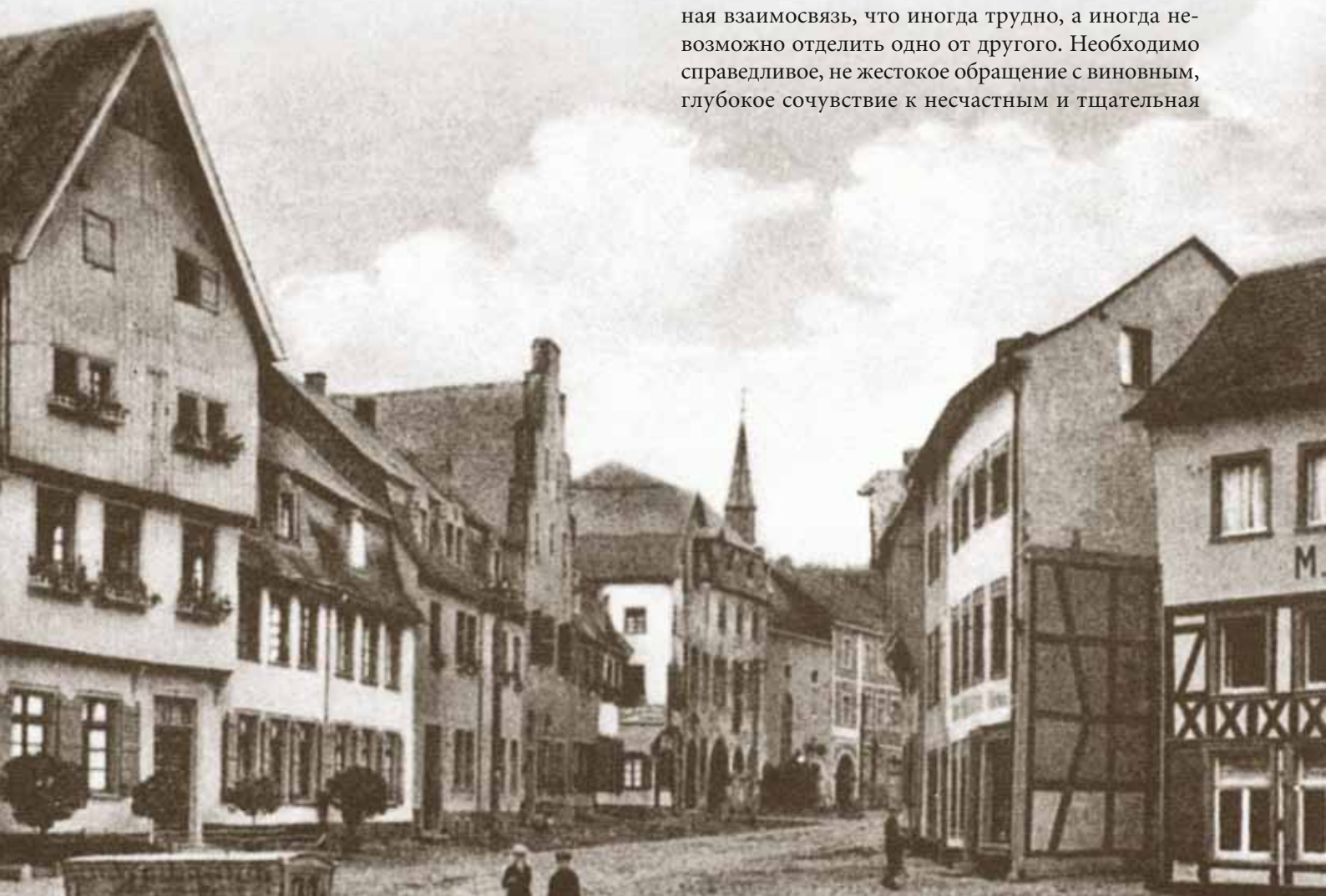
Катарина Иозефа София, урожденная Бревен, мать доктора Гааза

Однако были и другие примеры, когда люди, берущиеся исцелять плоть, продолжали молиться о душе. Их вера была столь глубока и очевидна, что официальная Церковь вынуждена была признать их правоту и верность Божьим заповедям. На заре христианства они нередко отдавали жизнь за свою веру. Но и в новое время им приходилось нелегко. Несмотря на все круги ада войн, лагерей и ссылок, их служение Богу и людям было так самоотверженно, что после смерти Церковь нашла возможным причислить некоторых из таких врачей к лику святых.

Сегодня проблема противостояния медицины и Церкви уже не стоит столь остро. К врачебной помощи прибегают и сами священнослужители, не отказываясь, в случае необходимости, и от помощи хирургической. Ежегодно в разных странах мира проводятся конференции и форумы, где говорится о сотрудничестве медицины и религии. Знание и вера, оказывается, могут идти рука об руку, им вовсе не обязательно спорить и осуждать друг друга.

Добрый доктор Гааз

Многие поколения в XIX и XX веках воспитывались на легендах о Федоре Петровиче Гаазе. О нем писали Герцен, Тургенев, Куприн, Кони, Домбровский, Окуджава... «Между преступлением, болезнью и несчастьем имеется такая тесная взаимосвязь, что иногда трудно, а иногда невозможно отделить одно от другого. Необходимо справедливое, не жестокое обращение с виновным, глубокое сочувствие к несчастным и тщательная

забота о больном»¹, – писал Гааз в 1830 году князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, московскому генералу-губернатору, председателю созданного по приказу Николая I московского тюремного комитета. Социальная среда преумножает преступность, полагал врач и, как бы сегодня его назвали, правозащитник. А единственный эффективный способ борьбы с преступностью – уменьшение социальной несправедливости, нищеты, лишений и несчастий. Именно этим тяжелым и неблагодарным делом он и занимался всю жизнь.

Фридрих Йозеф Хааз родился в семье священника (по другим источникам – аптекаря) на западе Германии, близ Кельна, 28 августа 1780 года. Фамилия, возможно, происходит от Hase – «заяц», так что на русский язык ее можно было бы перевести просто Зайцев. Но в России он стал Федором Петровичем Гаазом. Фридрих Йозеф отличался выдающимися способностями и разношерстными интересами. Получил отличное образование. Сначала математическое, потом окончил богословский факультет. Но священником так и не стал. Его деятельная, кипучая натура искала более широкого поля деятельности, и Фридрих оканчивает еще и медицинский факультет. Становится великолепным врачом. Особенно хорошо он лечил глазные болезни. Правша и левша одновременно, он одинаково ловко работал сразу двумя руками; быстро, почти без боли снимал катаракты. Прославился в борьбе с инфекционными глазными заболеваниями. Но с годами стал врачом широкого профиля.

В 1802 году русский вельможа Репнин, которого Гааз вылечил от трахомы, уговорил его приехать в Россию. Бесконечные заснеженные равнины таинственной страны давно манили к себе молодого человека. На энергичного, умелого медика об-

ратила внимание Ее Императорское Величество вдовствующая императрица (вдова Павла I) Мария Федоровна, много сделавшая для развития русской бесплатной медицины. После того, как Гааз успешно

поборол тяжелую инфекционную глазную болезнь в одном из госпиталей Москвы, Мария Федоровна назначает его главным врачом Павловской больницы (ныне Четвертая градская клиническая больница). Федор Петрович принимает и у себя дома, и в больницах, и в приютах для бедных целые толпы больных. Всюду лечит бесплатно.

При этом легким его путь не назовешь. У Гааза был талант наживать себе врагов, особенно среди начальствующих персон. Федору Петровичу мешал прямой, бескомпромиссный характер, горячий темперамент. Гаазу так и не удалось побороть два зла в московских больницах: воровство казенного имущества и пьянство врачей на рабочем месте.

Мешало и то, что антиалкогольная агитация в то время считалась в России «опаснейшей крамолой». Однако постепенно талантливый врач снискал благоволение самых высоких особ. Он личный врач императорской семьи, к нему едут пациенты со всей России. Помимо своего желания Гааз разбогател. У него два дома в Москве, суконная фабрика в пригороде. Всё это дарят ему благодарные пациенты. Федор Петрович выезжает в коляске, запряженной четверкой лошадей. Он много читает, состоит в оживленной переписке со знаменитым немецким философом Шеллингом.

Но в 1827 году, когда Федору Петровичу исполнилось 47 лет, он испытал тяжелый духовный кризис, результатом чего стала полная перемена всего образа жизни. В чем дело? Можно только гадать. Гааз – идеалист в самом высоком, чистом смысле этого слова. К тому же натура страстная, горячая. Женщина? Многолетняя идеальная, платоническая любовь, так распространенная в немецком

Федор Петрович Гааз

¹ Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. М., 1999. С. 45.

Народ представлял Владимирку как нечто мрачное и безнадежное, как путь горькой печали и тяжелых вздыханий

и русском сентиментализме. Жена армейского товарища-декабриста. Проводы друга в Сибирь. Разлука навсегда с предметом поклонения, богиней, безропотно следующей за мужем в ссылку. Гааз так никогда и не женился. Есть также свидетельство, что причиной кризиса стало посещение московской пересыльной тюрьмы. Гааза потрясла картина открывшейся перед ним ужасающей обстановки русского каземата – преддверия ада...

Сильный характер помог Федору Петровичу преодолеть кризис. Если тебе очень плохо, найди того, кому еще хуже, и постарайся помочь – такой урок он вынес из своего душевного состояния. А самыми обездоленными в России были заключенные, и отныне все свои силы, время, деньги Гааз тратит на «несчастных» – так он их называл. На одежду и еду, на тюремные лазареты и библиотеки, на мастерские и... на кандалы. Он сам их сконструировал, облегчил и настоял, чтобы ими заменили «прут генерала Дибича» – железную палку, снабженную кольцами, в которые просовывались руки сразу восьми-десяти каторжан. И такой связкой они должны были идти по этапу. Шагающие на пруте были ограничены в своих движениях и свободном отправлении естественных потребностей, терпели в пути всевозможные мучения. На привалах лишены были нормального отдыха, им не было доступно единственное утешение несчастных – сон. Гааз громко протестовал против этой

бесчеловечной пытки, говоря, что она не исправляет людей, а «учит ненавидеть друг друга, учит не уважать чужие страдания, забывать любой стыд, учит словом и делом предаваться подлости»².

Таким страданиям подвергались осужденные за самые легкие преступления и часто невинные. Например, помещик, купивший крепостных крестьян и не желающий тратиться на их перевозку в свои отдаленные поместья, отправлял их по этапу вместе с осужденными на каторгу преступниками. У тяжелых преступников была привилегия – право на «персональные» цепи – ручные и ножные кандалы. Со слезами на глазах просили «легкие» преступники, чтобы их приравнивали к «тяжелым».

Федор Петрович сконструировал так называемые «цепи Гааза» – более легкие и короткие, длиной в три четверти метра и весом три фунта. Однажды, придя к Гаазу, его товарищ услышал непрекращающийся лязг цепей. Доктор, закованный в цепи, неутомимо шагал из угла в угол своей комнаты, считая шаги: он на себе проверял свое «изобретение», решив пройти в кандалах расстояние этапа. Сначала Гааз хотел пройти в цепях по улицам Москвы и дальше по Владимирке, от Воробьевых гор до Горенок, но это городские власти ему запретили.

Как-то на заседании московского тюремного комитета митрополит Филарет выговаривал доктору Гаазу:

² Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. М., 1999. С. 68.

– Ну что вы там говорите, Федор Петрович, о невинно осужденных? Если кто осужден, то значит и виновен.

Гааз взорвался.

– Владыко, вы Христа забыли! – сорвавшись с места, закричал он.

Тишина. Все замерли. Как смеет немец, неправославный, кричать такие страшные слова главе русской церкви! После паузы Филарет тихо сказал:

– Нет, Федор Петрович. Когда я произнес мои поспешные слова, не я о Христе позабыл – Христос меня позабыл.

Встал, благословил всех и вышел.

Постепенно Гааз добился, чтобы слабые и калеку были полностью освобождены от кандалов. «Это не может быть действительным желанием царской семьи, чтобы люди, не имеющие ног, все же получали ножные кандалы, и, так как они не имеют возможности эти кандалы надеть, они должны их таскать в мешке»³, – писал Федор Петрович. Он выступал против того, чтобы всем перегоняемым по этапу, даже женщинам, брили полголовы, и настоял, чтобы на кольцах кандалов была кожаная обшивка. До этого массовыми явлениями были обморожения рук кандалников.

Борьбу за это Гааз вел до конца своей жизни. Его терпели, по словам одного сановника, «как неизбежное зло, противостоять которому так же безуспешно, как и скучно»⁴. Над Гаазом смеялись, издевались, на него писали бесконечные доносы. Один иностранец, познакомившись с доктором Гаазом, отозвался о нем так: «Идеи и образ жизни этого человека столь необычны для нашего времени, что он либо дурак, либо сумасшедший, либо святой!»⁵

Когда государь Николай Павлович приезжал в Москву, он посещал и тюрьмы. Главный тюремный врач Федор Петрович Гааз его сопровождал. Как-то один из тюремщиков «наклепал» царю на Гааза:

– Ваше величество! А вот Федор Петрович держит в лазарете старика, осужденного на каторгу. А старик здоров и давно должен идти по этапу.

Николай I грозно повернулся к Гаазу:

– Это правда, Федор Петрович?

Гааз грохнулся на колени. Царю стало неудобно, все же Гааз почти на двадцать лет его старше:

– Ну, полно, Федор Петрович! Вижу, что ты раскаиваешься, и прощаю тебя.

Гааз не встает.

– Что тебе еще надо, Федор Петрович? Я же тебе сказал, что прощаю.

– Ваше величество! Помилуйте старика – он невиновен. Ему осталось немного жить, он дряхл и бессилен, ему очень тяжело будет идти в Сибирь. Я не встану, пока вы его не помилуете.

Государь задумался...

– На твоей совести, Федор Петрович! – сказал он наконец и изрек прощение. Тогда счастливый и взволнованный Гааз встал с колен⁶.

У Гааза был верный глаз. Он сразу видел, что за человек перед ним. Но и к закоренелым злодеям, убийцам он смело входил в камеру. Старался смягчить их душу, помочь, утешить. Он писал: «Профессия врача дает ему доступ не только к телу, но и к душе пациента. И постараться исцелить душу так же важно, как исцелить тело»⁷.

Мало того, он был убежден, что для больного человека лекарство должно быть на втором месте.

Тюремная больница, открытая стараниями доктора Гааза

³ Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. М., 1999. С. 89.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же.

⁶ Кокухин Н. Он спешил делать добро. Исторический очерк // Русская Береза. Газета для добрых людей. № 4 (22). 2011.

⁷ Там же. С. 84.

Архиепископ Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий). 1946

Забота, сердечное участие и, в случае надобности, горячая защита – вот главные средства его врачевания. Несколько строк из инструкции, составленной им для врача при пересыльной тюрьме: «Врач должен помнить, что доверенность, с каковою больные предаются, так сказать, на его произвол, требует, чтобы он относился к ним чистосердечно, с полным самоотвержением, с дружескою заботою о их нуждах, с тем расположением, которое отец имеет к детям, попечитель к питомцам. Следует, чтобы врач пользовался всяким случаем повлиять на улучшение нравственного состояния; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрым христианином – заботливым, справедливым и благочестивым...»⁸

Доктор Гааз составил и издал за свой счет книжку под названием «Азбука христианского благонаравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или О начатках любви к ближнему». Арестантам, отправляющимся этапом в Сибирь, он вручал книгу, призывающую любить ближнего, и эти люди читали её с любовью.

В одном из писем к своему воспитаннику Гааз писал: «Самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причем, чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому, как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии...»⁹.

Доктор Гааз жил при созданной им полицейской больнице в Малом Казенном переулке. Здесь он и умер 16 августа 1853 года. Болезнь застала Федора Петровича врасплох. Он вел правильный образ жизни, отличался могучей силой и, казалось, несокрушимым здоровьем. Что это был за недуг, сейчас понять трудно. Известно лишь, что развивалась болезнь очень быстро и причиняла невообразимые страдания. В последний день своей жизни, когда боль стала нестерпимой, доктор приказал раскрыть настежь двери квартиры и принимать всех, кто нуждается в его утешении и помощи.

После смерти доктора в его квартире нашли только несколько старых телескопов – все, что осталось из его имущества. Утомившись за день видом людских страданий, Гааз по ночам любил смотреть на звезды. Гроб с телом доктора несли на руках от Покровки до Введенского кладбища в Лефортово. Его провожала огромная толпа –

двадцать тысяч человек. Гааза, который оказался нищим, хоронили за счет полиции.

На центральной аллее Введенского (немецкого) кладбища стоит могучий серый камень, на нем – большой крест из красного гранита. Вокруг могилы ограда из кандалов. На памятнике выбиты знаменитые слова доктора Гааза, которым он следовал всю жизнь: «СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!»

Католик доктор Федор Гааз, посвятивший свою жизнь служению беднякам и арестантам православной России, почитается в нашей стране как святой, говорит председатель отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, митрополит Сергей: «Доктор Гааз причислен к лику святых Римско-католической церкви, однако и для православного русского человека Федор Петрович Гааз – это святой. Свидетельство тому то, что его помнят и почитают».

И верно: со дня его кончины прошло уже полтора столетия, но на могиле всегда в изобилии живые цветы.

В.Ф. Войно-Ясенецкий – врач и священнослужитель

Архиепископ Лука, выдающийся хирург, лауреат Сталинской премии, герой Великой Отечественной, враг народа... Все это об одном человеке – Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком, чья удивительная личность стоит особняком как в отечественной медицине, так и в православии. Молва гласит, что на его операционном столе не умер ни один больной, хотя попадали туда искалеченные войной солдаты, одной ногой уже стоявшие в могиле. Войно-Ясенецкий возвращал их к жизни. Говорили, что его рукою водит сам Господь.

В.Ф. Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 года в Керчи. Вот скупые строки его биографии. В 1904 окончил медицинский факультет Киевского университета. Позже он говорил: «Я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским мужицким врачом, помогать бедным людям»¹⁰. Во время русско-японской войны Войно-Ясенецкий добровольцем едет на Дальний Восток в Читу, где заведует хирургическим отделением. В 1909-м становится главным врачом городской больницы в Переславле-Залесском, где на тридцати койках без электричества, водопровода, рентгеновского аппарата ему удается за год выполнить более тысячи стационарных и амбулаторных операций – то, что сейчас делают за год бригады из 6–7 хирургов. Здесь он с 1913 года заведует госпи-

⁸ Духовные основы православия. М., 2003. С. 15–16.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ <http://luka-digest.narod.ru>

талем для раненых, проводя самые сложные хирургические вмешательства.

В 1916-м Войно-Ясенецкий защищает докторскую диссертацию. Ее темой стала анестезиология – в то время мало исследованная, но необходимая для успешных операций наука. Тему дальнейших исследований подсказала земская врачебная практика. За десятилетия до открытия антибиотиков, в пору, когда возможности врача в борьбе против раневой инфекции были ничтожны, Войно-Ясенецкий первым среди врачей разработал специальные приемы оперативного вмешательства при гнойных процессах.

«С самого начала своей хирургической деятельности в Чите, Любаже и Романовке, – вспоминает Валентин Феликсович, – я ясно понял, как огромно значение гнойной хирургии, как мало знаний о ней вынес я из университета, и поставил себе задачей глубокое самостоятельное изучение диагностики и терапии гнойных заболеваний»¹¹. Вскоре зародилась идея книги, настольной и для современных хирургов, – «Очерки гнойной хирургии». Книга строилась на сотнях историй болезни, которые Валентин Феликсович диктовал или писал

Валентин Войно-Ясенецкий с матерью

В.Ф. Войно-Ясенецкий.
Середина – конец 1910-х гг.

сам. Она была издана в 1934 году и с тех пор выдержала множество переизданий. Авторитет доктора Войно-Ясенецкого как врача был огромен. В 1945-м ему была присвоена высшая государственная награда – Сталинская премия первой степени. В том же году он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Казалось бы, награды нашли героя.

Однако жизнь Войно-Ясенецкого, когда знакомишься со всеми перипетиями его биографии, кажется сплошным тяжелым испытанием. Доносы, аресты, тяжелая болезнь и смерть от туберкулеза любимой жены и матери его четверых детей, голод, постоянная забота о детях... В 1919-м Войно-Ясенецкий по наводке пьяницы-препаратора морга был арестован и в течение суток ожидал расстрела. В 1923 году, через десять дней после принятия сана епископа, Луку снова арестовали и сослали в Сибирь. Четверо его детей, старшему из которых 15 лет, а младшему едва исполнилось три года, остались на попечении хирургической сестры

¹¹ <http://luka-digest.narod.ru>.

больницы, их немедленно выгнали из дома. Енисейск, Хая, Туруханск, Красноярск, заполярный поселок Плахино на три избы, миокардит, тяжелая болезнь ног и чудесное спасение на краю верной гибели – эпопея первой ссылки. 1926 год – возвращение из ссылки, полный разлад с детьми, которых преследуют как детей врага народа. Тяжелый возвратный тиф (заразился при вскрытии трупов). 1930 год – новый арест по сфабрикованному обвинению, год тюрьмы, тяжелые болезни сердца. Котлас, Архангельск – места второй ссылки. После освобождения в 1933 году доктор уезжает работать в Андижан, где заболевает тропической лихорадкой, осложнившейся отслойкой сетчатки левого глаза. Две операции без эффекта и полная потеря зрения на левый глаз, трагедии с детьми (тяжелая травма старшего сына, психическое заболевание среднего). В 1937-м, в год большого террора – новый арест 60-летнего профессора, 13-суточный «конвейер» без сна, голодовка, побои, истощение, обмороки, обвинение в шпионаже в пользу Ватикана. Второй «конвейер» – 18 суток, голодовка, галлюцинации, сердечная недостаточность, отеки, асцит. Приговор – три года ссылки по этапу: Ташкент, Алма-Ата, Новосибирск, Красноярск, Большая Мурта, Томск. С 1941 по 1943 год, оставаясь на положении ссыльного, Войно-Ясенецкий консультирует все госпитали Красноярского края на 10 тысяч коек. Сложнейшие операции с созданием уникальных методик доступа к крупным суставам, разработка методов лечения огнестрельного остеомиелита. 1944 год – Тамбов, где он работает главным консультантом 150 госпиталей.

В 1945-м Луку ссылают в Симферополь, в одну из самых неблагополучных епархий, где не было возможности заниматься врачебной деятельностью. 1947 год – новые гонения на Церковь, закрытие тех храмов, которые удалось восстановить. Слепнет второй глаз, присоединяется сахарный диабет, что делает невозможным операцию. Служит по памяти, диктует письма и богословские труды секретарям. 1956 год – полная слепота и одиночество; взаимопонимания с детьми и внуками нет. О старике они словно забыли...

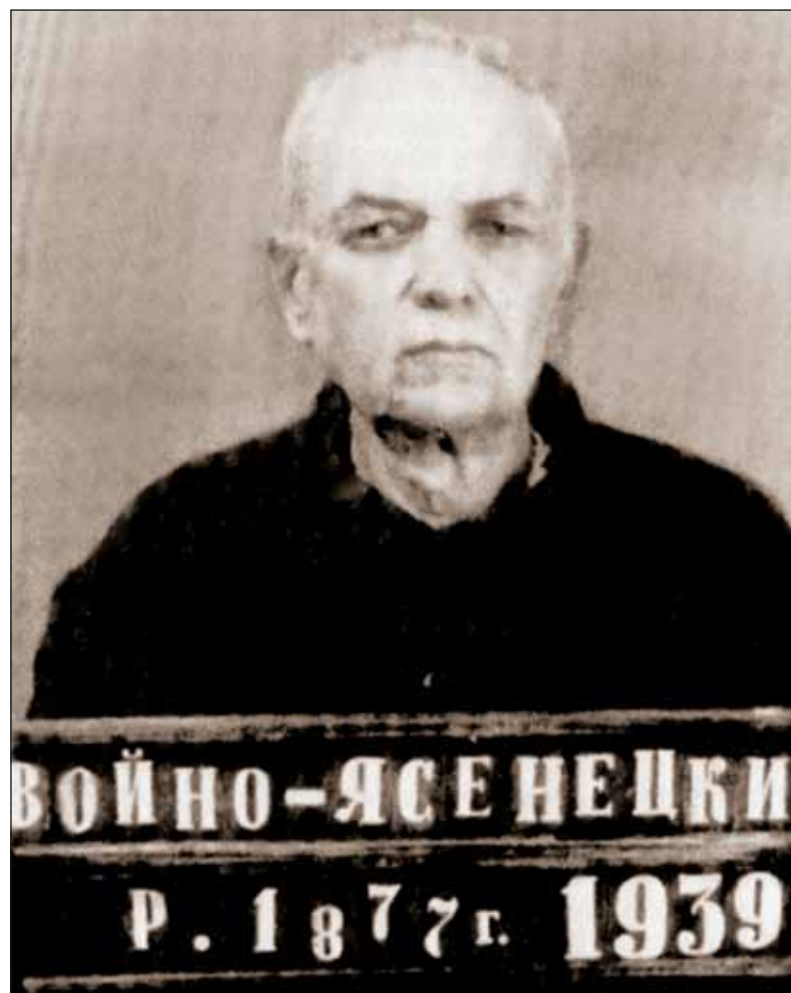
11 июля 1961 года в 84-летнем возрасте Валентин Феликсович закончил свой жизненный путь. На похороны архиепископа Луки, доктора медицины, профессора Войно-Ясенецкого приехало огромное количество людей. За гробом шла толпа, конца которой не было видно.

Определением Синода Украинской Православной церкви от 22 ноября 1995 г. архиепископ Симферопольский и Крымский Лука причислен к лику святых. Мощи святителя Луки установлены в Свя-

то-Троицком кафедральном соборе Симферополя для поклонения верующих. Однако частицы мощей есть во многих православных храмах – в том числе и в Москве.

А вот указание самого В.Ф. Войно-Ясенецкого: «Если станете описывать мою жизнь, не пробуйте разделять хирурга и епископа. Образ, разделенный надвое, неизбежно окажется ложным»¹².

Казалось бы, все сказано. Однако далеко не все знают, что помимо медицинских трудов Войно-Ясенецкий оставил не менее яркие философские работы. Научно-богословский труд «Дух, душа, тело» обобщает последние достижения научной мысли того времени и с позиции этих знаний рассматривает известные места Святого Писания. В авторе этой удивительной книги соединились врач, философ и богослов, и он легко переходит от квантовой механики и процессов аннигиляции к тонкостям психической материи, отмечая необычную чувствительность сердца человека к «жизненным треволнениям». Ссылаясь на работы И.П. Павлова, Войно-Ясенецкий описывает строение и функции сердца – и тут же приводит массу выдержек из Священного Писания, указывающих на сердце как

Заклученный В.Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука). Ташкент, 1939

¹² <http://luka-digest.narod.ru>.

Архиепископ Лука в окружении паствы

орган высшего познания человека. Сердце, по его мнению, может ощущать благодатное воздействие Духа Божия, что проявляется в «тихой радости, глубоком покое и теплоте, всегда возрастающих после молитвы и добрых дел»¹³. В то же время воздействие на сердце духа сатаны вызывает смутную тревогу, какое-то жжение, безотчетное беспокойство. Сам Лука имеет опыт сильнейших сердечных откровений, «колоссальных, потрясающих, не сравненных с силой каких бы то ни было обычных психических воздействий»¹⁴. Святитель пишет о сердце как о «центре нашей духовной жизни, который совершенствует и исправляет сам Бог»¹⁵.

Сердце для Луки не только центр чувствования и общения с Богом, но и орган желания, источник воли, добрых и злых намерений. А мозг? Там существуют двигательные и сенсорные, вазомоторные и дыхательные, тепловые и многие другие центры, но ученый не находит там центров радости и печали, гнева и страха, эстетического и религиозного чувства. Наши мысли, по Войно-Ясенецкому, – сырой материал, который проходит «окончательную обработку в сердце – горниле чувств и воли».

Передача мысли в сердце происходит путями, нам неизвестными. Переходя от догадок Паскаля к обобщениям Бергсона, автор делает вывод о том, что «нервная система, и в особенности мозг, – не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию»¹⁶.

Для изучения таких феноменов, как, например, телепатия, Войно-Ясенецкий обращается к изучению свойств духа, частью которого выступает наш ум. Он приводит много примеров передачи мыслей и образов на большие расстояния, делая вывод о том, что «кроме обычных раздражений, адекватных нашим органам чувств, мозг и сердце могут воспринимать гораздо более важные раздражения, исходящие из мозга и сердца других людей, животных и всей окружающей нас природы и, что важнее всего, из неведомого нам трансцендентального мира»¹⁷. Порой мысль одного человека сообщается другим людям, соединяя их в мощный поток единого решения, порыв одного храбреца воспламеняет сотни других сердец, воспринимающих его, как антенны –

¹³ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.). Дух, душа, тело. М., 2006. С. 17 или по адресу: http://psotrajenie.narod.ru/download/vojino_yaseneckiyi_duh_dusha_telo.html

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 31

¹⁷ Там же. С. 45–46.

радиоволны. Но нередко именно так раздражается и эпидемия безразсудств.

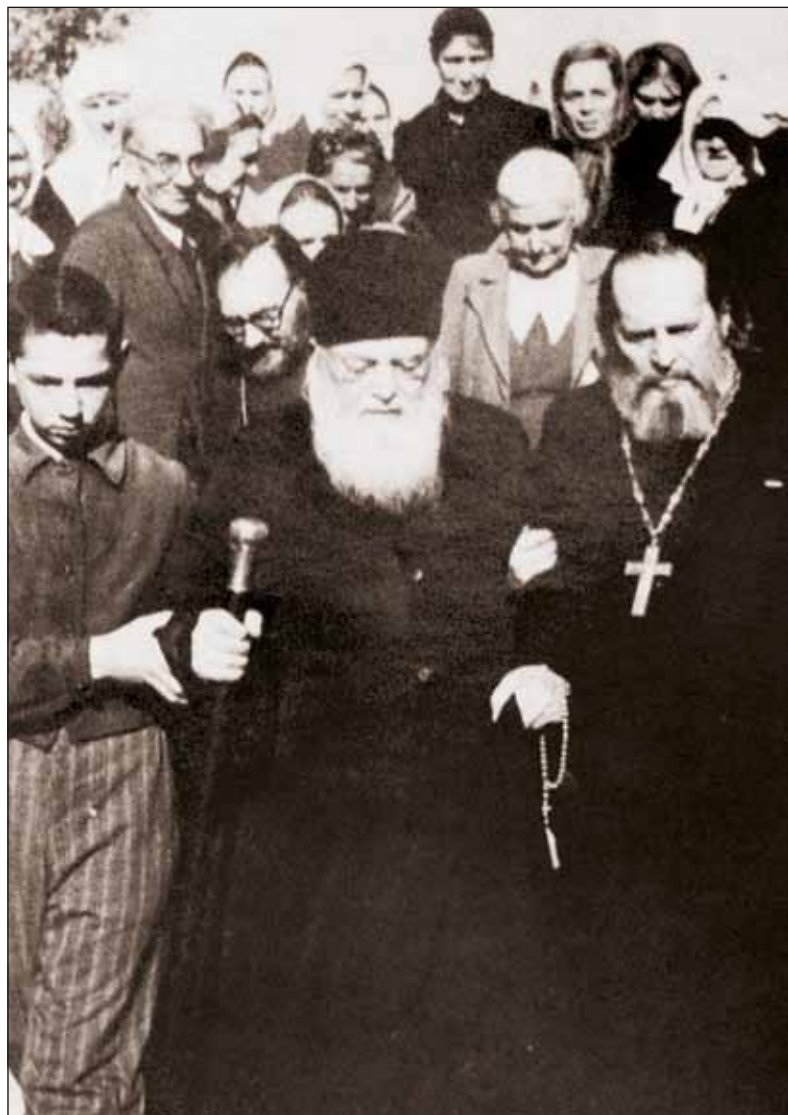
Материя, по Войно-Ясенецкому, это только особо устроенная энергия, а значит, есть и более высокоорганизованная, духовная энергия, которую следует считать «первичной формой, родоначальницей и источником всех форм физической энергии»¹⁸. Это стирает границы между живой и неживой природой, так как и органическая, и неорганическая природа оживотворены Духом Божиим. Духовной энергией пронизано все мироздание, но «только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает значения свободного, самосознающего духа»¹⁹. Глубочайшая сущность человеческого существа познается, по мнению владыки Луки, именно духом, а не умом, который является лишь его составной частью. Дух выступает как высшая сила духовной деятельности. Автор ссылается на слова апостола Павла, который писал: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание»²⁰.

Но перед нами все-таки врач: Лука опять возвращается к вопросу о силе духа человека на примерах психотерапевтического воздействия на исход болезни. Он ссылается на Шарля Рише, описавшего несколько чудесных исцелений, и констатирует: одним физиологическим воздействием мозга объяснить их невозможно. Отсюда делается вывод о том, что «дух не только творит формы материальных тел, направляя и определяя процесс роста, но может сам принимать эти формы – материализоваться». Подробно описываются и трансцендентальные способности людей передавать свои мысли, двигательную силу и чувства на расстояние. Автор упоминает и о такой способности самого Христа и Святых Отцов Церкви, Сергия Радонежского и Серафима Саровского, при этом отмечая, что у обычных людей эти способности чаще проявляются в состоянии измененного сознания, тогда как просветленный дух обладает ими в самом обычном состоянии души.

Рассматривая факты предвидения, Войно-Ясенецкий приходит к выводу, что существует некая энергия вне наших чувств, которую мы можем уловить, если освободим свое сознание от «калейдоскопа и шума внешних восприятий», перейдя на уровень сверхсознания. Он ссылается на работы философов Александрийской школы, а также труды Парацельса, Кампанеллы, Лютера, Канта. По мнению самого автора, «наш внутренний, транс-

цендентальный человек, освобожденный от уз плоти, может достигнуть высшего познания всего сущего во всей его широте, в глубине и долготе»²¹. Путь для достижения этой цели – служение Человеку и Богу. Завершает книгу глава с кратким названием «Бессмертие». Автор считает, что наше «одинокство» во Вселенной мнимо: на самом деле она может быть населена бесплотными духами или неизвестными нам формами телесности, приспособленными к жизни в самых необычных условиях. Как тут не вспомнить Циолковского, с философскими трудами которого Войно-Ясенецкий не имел возможности ознакомиться.

Лука считает, что развитие духа в нас не закончено, мы – лишь первая ступень духовности. Далее он пишет: «Если совершенна (неуничтожима) материя и энергия в ее физических формах, то, конечно, должна подлежать этому закону и духовная энергия, или, иначе говоря, дух человека и всего живого. Таким образом, бессмертие есть необхо-

Архиепископ Лука после службы в Свято-Троицком соборе

¹⁸ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.). Дух, душа, тело. М., 2006. С. 47 или по адресу: http://psotrajenie.narod.ru/download/voyno_yaseneckiyi_duh_dusha_telo.html

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Гал. 5, 22–23.

²¹ Там же. С. 49.

Крестный ход с иконой архиепископа Луки у западных врат Свято-Троицкого собора. Украина, Симферополь

димый постулат ума нашего»²². Почему бы не признать существование разумных, могущественных существ, не принадлежащих к доступному нашим чувствам миру, задает он вопрос. И размышляет: только положительный ответ на него может объяснить все известные метапсихические явления. В заключение Лука дает описание Воскресения, в результате которого человек и все прочие твари получают новые тела, новую жизнь и новое оправдание перед Господом:

«Конечно, бессмертие не будет иметь для твари того значения, как для человека, – рассуждает Лука. – Ее примитивный дух не может бесконечно развиваться и нравственно совершенствоваться. Жизнь вечная для низкой твари будет лишь тихой радостью в наслаждении новой светозарной природой и в общении с человеком, который уже не будет мучить и истреблять ее. Ему будет цельно и гармонично в будущем новом мироздании, и всякой твари найдется место в нем.

БУДИ! БУДИ!»²³ – восклицает автор книги, как будто заклинающая этот безумный, безумный, безумный мир и безумцев, населяющих его. Столь оптимистический прогноз оставил нам полностью слепой, забытый детьми и внуками человек, в жизни которого, казалось бы, не было ни единого просвета...

И тем не менее именно они – святые врачеватели наших тел и душ, принесшие себя в жертву этому миру, победили. Ведь именно благодаря им, их самоотверженной жертве, жизнь в высочайшем, истинном смысле слова продолжается.

²² Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.). Дух, душа, тело. М., 2006. С. 52 или по адресу: http://psotrajenie.narod.ru/download/voyino_yaseneckiyi_duh_dusha_telo.html

²³ Там же.

Икона «Лука Крымский»